

Новое прочтение экономической истории (о Нобелевской премии по экономике 2024 года)

Ю.П. Воронов

УДК 330.88

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-1-244-257

Аннотация. В статье рассматриваются научные результаты лауреатов Нобелевской премии по экономике 2024 г. Особое внимание уделено воздействию этих результатов на современное понимание экономической истории и определяющих её факторов. Охарактеризованы отличия новой институциональной школы, которую представляют лауреаты, от предшествующих работ институционалистов. Рассмотрено видение авторов государства как «сборной» категории, представленной совокупностью элит, причастных к принятию государственных решений. От точечных сравнений отдельных кейсов лауреаты переходят к исследованиям исторического пути экономик разных стран, объясняя, в частности, парадоксы экономических систем СССР и Китая, которые успешно развивались, несмотря на преобладание в них неэффективных (экстрактивных) институтов. Затронуты вопросы отказа лауреатов от использования экономико-математических методов в своих исследованиях, выбранный ими аргументации для объяснения страновых различий в темпах научно-технического прогресса.

Ключевые слова: экономическая история; Нобелевская премия по экономике; экстрактивные институты; инклюзивные институты; научно-технический прогресс; СССР; Китай; Россия; Англия; математические методы в экономике

Лауреаты Нобелевской премии по экономике, которая официально называется премией Банка Швеции по экономике памяти Альфреда Нобеля 2024 г., были вполне ожидаемыми. В особенности это касается **Дарона Аджемоглу** (Daron Acemoğlu), который включался в краткий список кандидатов на премию Нобелевского комитета уже полтора десятка раз. Он родился в 1967 г. в Стамбуле в армянской семье, степень бакалавра получил в Великобритании, в Университете Йорка, магистерскую и докторскую степени – в Лондонской школе экономики. В возрасте 25 лет перебрался в США, начал преподавать в Массачусетском технологическом институте, где с 2004 г. заведует кафедрой экономики.

Двух других лауреатов 2024 г. в СМИ обычно представляют как соавторов Дарона Аджемоглу, хотя они интересны и сами по себе. В частности, профессор Чикагского университета **Джеймс Аллан Робинсон** широко известен своей книгой о несовершенной конкуренции [Робинсон, 1986]. Он родился в 1960 г. в Великобритании, окончил бакалавриат Лондонской школы экономики. После получения степени магистра в Йельском университете три года преподавал в Австралии, затем перебрался в США. Сначала преподавал в Университете Южной Калифорнии, в Калифорнийском университете (Беркли) и в Гарвардском университете. С 2015 г. он – профессор Школы публичной политики им. Харриса Чикагского университета. Школа известна тем, что три её профессора были удостоены Нобелевской премии по экономике: Джеймс Хекман (2000 г.), Роджер Майерсон (2007 г.) и Майкл Кремер (2019 г.). Ещё четыре представителя Чикагского университета получали премию в других научных дисциплинах.

Новое прочтение экономической истории (о Нобелевской премии по экономике 2024 года)

Третий лауреат 2024 г. – **Саймон Джонсон** родился в Великобритании в 1963 г. Получил степень магистра экономики в Манчестерском университете, а степень доктора – в Массачусетском технологическом институте (в 1989 г.), где с перерывами преподаёт до настоящего времени. За свою карьеру он успел поработать в частном Университете Дьюка (штат Северная Каролина), руководил Центром развития менеджеров в Санкт-Петербурге (Россия), возглавлял научно-исследовательский отдел (был главным экономистом) Международного валютного фонда. Его книга «13 Bankers: The Wall Street Takeover and the Next Financial Meltdown» («13 банков, которые правят миром») стала бестселлером [Джонсон, Квак, 2013].

В сопроводительном письме нобелевского комитета говорится, что «лауреаты этого года нашли новое понимание, почему страны мира значительно различаются по уровню благосостояния. Одно из самых важных объяснений – очень разные общественные институты»¹.

Перед тем, как обсуждать вклад лауреатов, определим, что такое «институт» в понимании современной экономической науки. В формулировке Дугласа Норта, лауреата Нобелевской премии по экономике 1993 г., «институты – это разработанные людьми ограничения, которые структурируют политические, экономические и социальные взаимодействия. Они состоят как из неформальных ограничений (санкции, табу, обычаи, традиции, правила поведения), так и из формальных правил (конституции, законы, права собственности)» [North, 1991].

Более лаконично и ёмко определил категорию института Авнер Грейф: «институт – это система социальных факторов, которые совместно порождают регулярность поведения» [Грейф, 2012. С. 36]. Это краткое определение затем получило уточнения в виде различных классификаций правил поведения, разделения их на наследуемые и приобретённые, личные и социальные, формальные и неформальные и т.д. [Vanberg, 1994].

В трудах лауреатов содержатся прямые рекомендации по государственной экономической политике. Трудно сказать, используются ли они где-либо напрямую, но чрезвычайно значимым представляется другое магистральное направление их работы, а именно – популяризация и развитие основных идей новой институциональной школы. Сама институциональная теория имеет более чем полувековую историю. Заслуга лауреатов именно в том, что они развили ее идеи [Greif, 1998].

Новая институциональная школа

Если на государственном и международном уровне временами игнорируется даже институт собственности, который относится к основным институтам, определяющим общественную жизнь, то что нам может дать институциональная экономическая теория, которая объясняет всё происходящее именно динамикой социальных институтов? Некоторые исследователи открыто высказывают сомнения не только в ее пользе, но даже в самом существовании [Тикин, 2016; Фролов, 2016].

¹ Цитируется по: «Кто и за что получил Нобелевскую премию по экономике в 2024 году». РБК.
URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/670d0ba79a7947030bba8300?from=copy>

Доведя эту мысль до логического конца, можно было бы задаться вопросом: «Допустимо ли присуждать Нобелевскую премию за то, чего не существует?».

В качестве обоснования своих претензий к научности институциональной теории критики указывают на расплывчатость и неточность терминологии, какими она пользуется. Так, лауреат Нобелевской премии 1988 г. Морис Алле называл институционализм «литературной теорией» и писал: «Общий недостаток очень большого числа литературных теорий состоит в постоянном использовании неоперационных понятий, нечетких и неопределенных терминов, смысл которых постоянно меняется в ходе рассуждений и различается у разных авторов. Их недостаток – это также отсутствие строгости в анализе, обильное использование более или менее метафизических выражений, которые не обозначают ничего точного» [Алле, 1994. С.11].

Здесь есть над чем задуматься. С одной стороны, если некая категория в любой общественной науке определена очень строго, это сильно ограничивает круг ее применения, потому что в жизни всегда найдется множество процессов, событий и фактов, не укладывающихся в ее трактовку. С другой – при нестрогом, расплывчатом определении страдает логика последующих научных построений [Wisman, Rozansky, 1991; Тамбовцев, 2020].

И классическая, и австрийская школы политической экономии тяготеют к строгости терминологии при общей мотивации их представителей к максимальной методологической близости экономической теории к «точным наукам». В трудах приверженцев институциональной теории, включая нобелевских лауреатов 2024 г., этой мотивации нет. Но тот факт, что используемая ими терминология представляется нестрогой, не делает их выводы менее адекватными [Шаститко, 2013].

Новая институциональная школа отличается тем, что на протяжении десятилетий выявляла несоответствия между экономической теорией и ее практическими воплощениями. Считается, что процесс приближения описания экономической истории к реальности начал Рональд Коуз, Нобелевский лауреат 1991 г. Он в своей статье «Природа фирмы» [Coase, 1937] отметил, что в теории сделки совершаются мгновенно и без затрат, но в жизни всё обстоит иначе, и ввел в научный оборот понятие «трансакционных издержек». Удивительно, но до Коуза экономисты-теоретики их просто не замечали. Впоследствии Дуглас Норт разделил эти издержки на пять категорий: информационные, коммуникативные, логистические, юридические и рисковые (оппортунистические) [Норт, 1997]. Он же сформулировал основные причины изменения состава и роли социальных институтов. Это, прежде всего, изменения в структуре цен на товары и услуги вследствие научно-технического прогресса, открытия новых рынков или роста населения, а также то, что он называл «идеологией» – субъективное восприятие экономическими агентами сложившейся институциональной среды и окружающего мира в целом. «Идеология» может способствовать экономическому развитию или препятствовать ему².

Лауреаты [Аджемоглу, Робинсон, 2016] подробно анализировали ограничения, которые накладывают различные институты на экономическую деятельность.

² Это было очень хорошо заметно в период «переходных реформ» постсоветской России, когда в систему рыночных отношений оказались массово перемещены те, кто был воспитан в совершенно иной институциональной среде.

Новое прочтение экономической истории (о Нобелевской премии по экономике 2024 года)

В какой-то мере это снижает внимание самих исследователей, равно как и их читателей, к стимулирующей роли институтов (хотя те, которые ведут к экономическому успеху, тоже рассматривались).

Наибольшую критику в научном сообществе вызывало исходное утверждение их концепции о том, что экономические институты появляются и сохраняются благодаря добровольному взаимному согласию индивидов. Вряд ли стоит вменять им в вину это допущение, скорее всего, здесь действует принцип: «Если терпят, значит, согласны», которое восходит к теории «общественного договора» Жан-Жака Руссо и Томаса Гоббса.

Отметим, что сходным образом понимают общественный выбор и последователи вирджинской школы политической экономии, которая формально относится к одной из линий неоклассической теории, более распространённой среди экономистов мира. Один из основателей вирджинской школы Джеймс Бьюкенен, получивший Нобелевскую премию по экономике в 1986 г., отправлялся от трёх положений:

- нет границы между экономикой и политикой, и там, и там люди преследуют свои личные интересы;
- поведение каждого человека рационально и ориентировано на собственную выгоду; эта рациональность ограничена неполной информацией и другими внешними факторами;
- люди соглашаются с требованиями государства и платят налоги в обмен на общественные блага, но часто это – отклонение от рациональности, поскольку размер уплаченных налогов прямо не коррелирует с объемом получаемых благ.

Таким образом, положение о том, что все экономические институты существуют благодаря взаимному согласию людей, – это факт, который нужно принять, а не обсуждать. Лауреаты именно это и делают, развивая свою теорию. Новизна их подхода состоит в том, что они в своих концепциях и исследованиях активно используют идеи и методы психологии и социологии, и опираясь на них, показывают, что человек, создающий экономические институты (или соглашающийся с их существованием), сам находится под воздействием институтов. По этой причине принимая согласованное, вполне рациональное решение в отношении нового института, люди привносят в него влияние тех институтов, которые кажутся им привычными, «естественными».

Таким образом, новая институциональная теория делает важный шаг в развитии экономической мысли, а конкретно – устраняет из нее категорию «экономического человека». Последняя основывалась на утверждении, что рыночные отношения предъявляют определенный набор требований к поведению человека и возможны только тогда, когда эти требования выполняются [Simon, 1978]. Что имеется в виду?

Во-первых, «экономический человек» утилитарен, то есть ориентируется на свою выгоду или пользу. Во-вторых, он способен ставить цели максимизации этой выгоды и рационален в отношении способа их достижения. В-третьих, у него нет ни антипатии, ни симпатии по отношению к кому-то из партнёров. Но при этом (в-четвёртых) он им доверяет. В-пятых, при соблюдении первых четырёх условий и на их основании он способен рационально интерпретировать поведение своих партнёров.

Никаких эмпирических обоснований соблюдения этих требований у экономистов-теоретиков не было, в результате описываемая ими экономическая история превращалась в некую схему, лишь отчасти связанную с реальностью. Новая институциональная школа отодвинула этот конструкт, сделала его ненужным [Menard, Shirley, 2012].

Но это не упростило экономическую теорию, а добавило еще больше проблем. В частности, по-новому оказалась представленной роль государства, роль которого в теории была всегда основной. Но сначала о той паре категорий, которая лежит в основе исследований лауреатов.

Два вида институтов

Одним из основных достижений лауреатов большинство исследователей считают разделение экономических и политических институтов на экстрактивные и инклюзивные. Первые способствуют тому, что ресурсы (административные, материальные, финансовые и пр.) достаются ограниченному числу субъектов (элите) и могут выводиться за пределы национальной экономики (колониализм, компрадорство, коррупция). Вторые, напротив, способствуют вовлечению как можно более широких масс в управление и распределение ресурсов, защищают их экономические и политические права. Яркие примеры экстрактивных институтов – рабство, крепостное право, в политике – монархии, диктаторские и авторитарные режимы, инклюзивных – демократия, свободная конкуренция и др. [Аджемоглу, Робинсон, 2016. С. 118–121].

Инклюзивные институты позволяют людям свободно использовать предоставляемые им возможности реализации своих способностей, защищают их права, независимо от принадлежности к элитам (принцип равенства перед законом), что в конечном итоге стимулирует деловую инициативу и способствует экономическому развитию. При высокой доле экстрактивных институтов экономический рост служит во благо в первую очередь элит, ресурсы, по сути, выводятся из широкого оборота, у населения отсутствуют стимулы к увеличению производительности, и страна (общество в целом) беднеет.

Косвенные свидетельства повысившейся доли этих институтов – снижение темпов роста средней заработной платы и падение социальной мобильности. Если эти процессы происходят в демократическом обществе, значит, его инклюзивные институты работают неэффективно, или их доля снижается. Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон отмечают волну недовольства либеральной демократией в США и трактуют её как реакцию на политические провалы в решении злободневных экономических проблем. Причину они видят и в том, что уменьшилась доля инклюзивных институтов и увеличилась – экстрактивных.

Важно, что экстрактивные институты имеют свойство усиливаться со временем, а следовательно, роль личных интересов во власти возрастает по сравнению с интересами государственными (аппетиты элит растут). Чем выше доля экстрактивных институтов, тем увереннее чувствует себя элита, инклюзивные, напротив, делают ее будущее неопределенным, вплоть до того, что в ходе их действия становится вполне вероятной смена элит. Поэтому, когда нестабильность в политической сфере

Новое прочтение экономической истории (о Нобелевской премии по экономике 2024 года)

начинает угрожать существованию элиты, повышение доли экстрактивных институтов становится для неё жизненно необходимым.

Аджемоглу и Робинсон показывают тесную связь политических и экономических институтов и объясняют, как первые влияют на вторые. «Хотя экономические институты являются важным фактором, обуславливающим экономические результаты, сами по себе они эндогенны и определяются политическими институтами и распределением ресурсов общества». «Распределение ресурсов в обществе является неизбежно конфликтным и поэтому политическим решением» [Аджемоглу, Робинсон, 2016. С. 392, 394].

Они также отмечают, что политические институты разделяются на существующие де-юре и де-факто. Первые определяются законами и сами устанавливают границы компетенции власти. А вторые представляют собой ситуативное (не постоянное) распределение власти между различными элитными группами. И безусловно, элиты, если их не ограничивать, стремятся сделать их максимально экстрактивными: «Те, кто выигрывает от сохранения статус-кво, лучше организованы и располагают более значительными ресурсами, что позволяет им блокировать любые важные изменения, угрожающие их экономическим привилегиям и доступу к власти» [там же. С. 148–149].

В течение большей части мировой истории политические институты не только не способствовали деятельности эффективных (инклузивных) экономических институтов, но и зачастую препятствовали их появлению. Более того, длительное пребывание у власти одной и той же группы людей или преобладающее политическое значение одной (правящей) партии приводят к установлению связей между властью и некоторой частью бизнеса. И далее они уже вместе будут противодействовать появлению инклузивных институтов, которые могли бы обеспечить использование ресурсов максимально большим числом экономических агентов.

Лауреаты показали, что в богатых странах граждане потеснили свои элиты в контроле за деятельностью органов власти, сформировалось общество с равными для всех политическими правами. В таком обществе власть на всех уровнях несёт ответственность перед гражданами и регулярно отчитывается перед ними [Michalopoulos, Papaioannou, 2013]. Здесь есть некоторая доля лукавства. К таким странам они относят США и страны Европы. Но именно в них совершенно легально существует узаконенная система подкупа, называемая лоббизмом, а для избрания на любую выборную должность нужно изыскивать большие финансовые средства. Поэтому «ответственность перед гражданами» и «отчёты перед гражданами» отличаются составом этих граждан.

Казалось бы, государство должно заботиться о том, чтобы увеличивалась доля инклузивных институтов и сокращалась доля экстрактивных. Однако, по мнению лауреатов, государство само по себе не является субъектом экономической деятельности. От его имени выступают политические и экономические элиты, так или иначе связанные с государством, а также ведущие чиновники, пользующиеся непропорционально большим влиянием. Все они заинтересованы в том, чтобы воздействие государства на экономику возрастало, но при этом часто преследуют собственные интересы.

От точечных сравнений к историческим обобщениям

В своей книге «Почему одни страны богатые, а другие бедные» лауреаты использовали концепцию так называемого «естественного эксперимента»³. В качестве иллюстрации рассмотрена история и современное состояние города Ногалес, разделенного государственной границей на две части. Одна находится в Мексике, другая – в США (штат Аризона). Они близки по размерам, климатические условия у них одинаковы, но уровень жизни населения на американской половине в три раза выше, чем у тех, кто живёт в мексиканской части. На конкретных примерах отдельных институтов авторы показывают, как в одном городе они способствуют экономической активности населения и привлечению в город капитала, а в другом – противодействуют этому.

Примеры «естественных экспериментов» авторы книги видят и в сопоставлении Северной и Южной Кореи, Тайваня и КНР, ФРГ и ГДР, но не только. Сюда же они относят экспансию китайских товаров в США, которая привела к тому, что американский рынок труда распался на два сектора. Сегмент «белых воротничков» не только сохранился, но и переживает подъём: выпускники лицеев или университетов получают те преимущества, каких у них не было ранее. Сегмент «синих воротничков», где высшее образование не требуется, напротив, стал предлагать меньше вакансий. Аджемоглу и Робинсон воспринимают происходящее как естественный эксперимент над американской системой образования, требования к которой резко возросли, а также над рабочим классом, в жизни которого начались застой и культурная деградация. В рамках метода «естественных экспериментов» Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон анализируют также различия душевых доходов в северных и южных штатах США, связывая их с различиями в социальных институтах этих штатов. Правда, для них остаётся загадкой, почему различия в доходах населения этих штатов оказались гораздо больше, чем в структуре институтов.

Метод «естественных экспериментов» лауреаты довели до анализа последствий комплексных управлеченческих решений, часто называемых «реформами». В этом случае неизбежно сравнение замысла (проекта) будущих преобразований и последствий его фактической реализации. На этом этапе они опирались на работы Д. Норта, который также полагал, что высокая доля экстрактивных институтов неминуемо приводит к более значительной дифференциации доходов [North, 1982]. Особенно отчётливо это проявляется в странах, где сильна вертикаль власти, стратегические решения принимаются в центре, а, следовательно, больше возможностей внедрения новых экстрактивных институтов [Расков, 2010].

В исследованиях лауреатов выявлена логика изменений в институциональной структуре каждой из сравниваемых стран. То, что использовалось в анализе как экзогенный фактор, например, Дж. Коммонс [Commons, 1931; Коммонс, 2007],

³ В этом плане нобелевский комитет демонстрирует определенную преемственность: в 2021 г. премия была присуждена Дэвиду Карду, Джошуа Энгристу и Гвидо Имбенсу «за анализ причинно-следственных связей в экономике с помощью естественных экспериментов». Кроме того, один из лауреатов 2024 г. – Дж. Робинсон – выступил редактором коллективной монографии, в которой «естественные эксперименты» рассматривались как метод научных исследований в экономике [Robinson, Diamond, 2010].

Новое прочтение экономической истории (о Нобелевской премии по экономике 2024 года)

становится фактором внутренним, определяющим следующий этап эволюции. Изменения институтов не только определяют экономическое развитие, но и становятся его результатом.

«Поворот судьбы»

В своей совместной работе Дж. Робинсон и Д. Аджемоглу [Аджемоглу, Робинсон, 2016] много внимания уделяют особенностям развития колониальной системы. Примечательно, что их выводы в этой части вызвали множество критики, поскольку некоторые сторонники общего осуждения колониализма увидели в них попытку оправдания колониального угнетения, хотя это, конечно, не так. Анализируя объективные причины выбора тех или иных институтов, насаждаемых метрополиями в колониях, лауреаты заключили, что до 1500 г. европейцы селились в самых бедных странах (Северная Америка, Австралия, Новая Зеландия) и формировали там инклюзивные институты по той причине, что оттуда нечего было вывозить. В странах (на территориях), где экономика была относительно развитой, например, Индия при цивилизации великих моголов или Центральная Америка при цивилизации ацтеков, внедрялись экстрактивные институты при существенно меньшем притоке европейцев. Это привело к тому, что после 1500 г. экономика более бедных стран развивалась быстрее, чем относительно развитых. Данный феномен лауреаты назвали «поворотом судьбы» (reversal of fortune) [Acemoglu et al., 2001].

Безусловно, в одних странах были более благоприятные условия для новых поселенцев, в других – менее. Даже если исключить неизвестные европейской науке болезни и плохие климатические условия, останутся вооружённые конфликты с аборигенами и противостояния социальных этнических групп. Но эти факторы имели место как раз не в самых бедных странах на момент прихода туда европейцев. В итоге, согласно выводам лауреатов, получалось так, что приход европейцев приносит стране третьего мира процветание, если же по каким-то причинам этого не произошло, она обречена оставаться бедной.

Впервые этот результат был представлен лауреатами в статье 2002 г. [Acemoglu, D., et al., 2002], но затем идея была подробно развита ими в 2005 г. в шестой главе Справочника по экономическому росту [Acemoglu et al., 2005], а также в их самой известной книге 2012 г. «Why Nations Fail?», которая в русском переводе получила название: «Почему одни страны богатые, а другие бедные» [Аджемоглу, Робинсон, 2016].

А как же Китай и СССР?

Для многих очевидно, что теория лауреатов дает сбой при исследовании истории советской (российской) и китайской экономик. Обеим странам они отказывают в наличии высокой доли инклюзивных институтов, хотя и Россия, и Китай на протяжении многих лет развивались и развиваются устойчивыми темпами выше средних по миру. В особенности это несоответствие институциональной теории и реальности заметно на примере современного Китая. Его успехи не согласуются с утверждениями лауреатов относительно критической важности инклюзивных демократических институтов.

Вроде бы на поверхности лежит то, что в централизованной экономике извлеченные государством ресурсы используются для инвестиций в развитие. Но у лауреатов на этот счет есть несколько собственных объяснений. Во-первых, институциональная теория, как и любая другая, не может объяснить всё, но способна сделать экономические модели более близкими к действительности, учитывая, что из любого правила бывают исключения. Во-вторых, она надёжно объясняет качественные изменения экономического развития, которые не всегда улавливаются статистикой. Например, за счет включения в экономический анализ динамики институциональных изменений, влияющих на развитие науки, можно объяснить колебания в темпах внедрения научно-технических инноваций.

Кроме того, позволяя с достаточной очевидностью увязать поведение отдельного человека и динамику экономических процессов в целом, институциональная теория на нынешнем этапе своего развития не способна предсказывать даже ближайшие конкретные экономические события или же предлагать конкретные меры по изменению существующих политических, социальных и экономических институтов.

Остановлюсь на двух российских примерах. Первый относится к проектному подходу. Как известно, современная Россия унаследовала от советской экономики отраслевой подход к экономическому развитию. «Чистая отрасль» стала не только научной категорией, но и неотъемлемым элементом отечественной институциональной системы. Преобразование института планирования по «чистым отраслям» видится российскими экономистами через институт национальных проектов, которые предстают как межотраслевые и межрегиональные.

Институт национальных проектов представляет собой замену института планирования. В частности, речь идет о шести проектах: «Металлургия Плюс», «Углеводороды Плюс», «Лес Плюс», «Уголь Плюс» и еще двух, пока не имеющих названия: развитие современной транспортной инфраструктуры (безотносительно видов транспорта) и формирование системы новой энергетики, ориентированной на учёт локальных особенностей производства и распределения электрической и тепловой энергии. Предполагается, что координаторами проектов, которые названы «импульсными», могут быть как государственные, так и частные структуры [Крюков, 2023].

Второй пример касается более общих проблем отечественной институциональной структуры. Р.М. Нуреев и Ю.В. Латов [Нуреев, Латов, 2016] в двух своих книгах сравнили институциональные системы нескольких стран и пришли к выводу, что по сложившимся институтам Россия ближе к странам «третьего мира», чем к развитым: действия частного бизнеса во многом определяются рисками нарушения прав собственности, вывоз за рубеж капитала и прибыли ограничены; постоянно обсуждается возможность национализации частных предприятий; доля сбережений населения невысока, как и доля инвестиций в затратах частного бизнеса, последний не проявляет заинтересованности в финансировании НИОКР, внедрении инноваций. Авторы приходят к выводу, что России необходимы сворачивание социально-экономических институтов, распространённых в менее развитых странах, и ускоренное развитие тех, что типичны для передовых стран.

Наиболее последовательная позиция принадлежит заведующему лабораторией микроэкономического анализа и моделирования ЦЭМИ РАН Георгию Борисовичу

Новое прочтение экономической истории (о Нобелевской премии по экономике 2024 года)

Клейнеру. В двух статьях 2003 г. он предложил использовать для описания поведения экономических агентов не только категорию «экономический человек», но и категорию «институциональный человек» [Клейнер, 2003. № 2; № 3]. Если первый стремится к максимизации собственной выгоды, то другой – к занятию более приоритетного места в институциональной структуре, в соответствии со своими психологическими особенностями. Выбор, который он при этом совершает – иррациональный, зависит от внешних обстоятельств.

Количественное соотношение между данными категориями людей, как правило, обусловлено культурно-исторически. Так, в России в советское время преобладал тип «институционального человека», после установления рыночных отношений повысилась доля первой категории, но она не достигла уровня, обычного для стран с развитой рыночной экономикой.

Лауреаты и математические методы в экономике

Некоторые исследователи отмечают, что идеи и методы лауреатов более популярны у социологов и социальных психологов, чем у экономистов. В экономической науке своеобразный барьер для подобных идей был построен с помощью экономико-математических моделей и методов. Те, кто использует математические методы в экономике, чрезвычайно критично относятся к слабо формализованным концепциям⁴. А отсутствие формул и расчётов характерно для институциональной теории вообще, а для неоинституционализма, который представляют нынешние лауреаты, – в особенности.

Лауреаты премии 2024 г. в своих исследованиях принципиально избегают использования математических методов и моделей. Руководствуются они при этом двумя мотивами. Первый из них связан с традиционным для институциональной школы признанием фактора неопределенности как важнейшей характеристики экономического развития.

Противопоставление категорий «неопределенность» и «риск» было сделано ещё Дж.М. Кейнсом. Более подробно эту дилемму разобрал Фрэнк Найт, который воспитал трех нобелевских лауреатов по экономике: Милтона Фридмана, Джорджа Стиглера и Джеймса Бьюкенена. Принципиальное различие состоит в том, что прогнозирование возможно только в условиях риска (с помощью анализа предыдущего опыта и вероятностной оценки будущих последствий принимаемого решения), но не в условиях неопределенности [Найт, 1994]. Именно в таких условиях более полезными оказываются не количественные методы, а институциональный анализ [Lind, 1993]. В свое время Армен Алчиян подробно проанализировал развитие экономики при разных уровнях и видах неопределенности, а также описал значение неопределенности для экономической теории [Alchian, 1950].

⁴ Отметим, что рамках экономико-математических, статистических подходов тоже предпринимаются попытки объяснить экономическое развитие максимально близко к реальности. Это направление получило название клиометрики в честь древнегреческой музы истории Клио. Сам термин введен в научный оборот в начале 1960-х гг., но окончательно это направление применения математических и статистических методов в экономической истории сложилось только спустя четверть века [Hughes, 1985].

Второй мотив определяется самой историей институциональной школы. Первые институционалисты противопоставляли свой подход современным им методам неоклассической экономической теории, которые не учитывали роль институтов. Хотя некоторые из них могли бы содействовать развитию институционального подхода [Уильямсон, 1996]. Возможно, сейчас, когда противостояние стало менее резким, математика и анализ статистического материала найдут применение в трудах представителей новой институциональной школы. Р.М. Нуреев отмечал, что институциональная экономика (в частности, в работах лауреатов) использует эволюционно-социологические методы [Нуреев, 2001]. Это сближает ее с социологией и политологией, которые нередко оперируют и математическими методами, и статистическими данными.

* * *

Таким образом, благодаря нобелевским лауреатам 2024 г. мы получили новый взгляд на экономическую историю мира. Разумеется, это не единственное их достижение, оцененное нобелевским комитетом. Но оно может считаться основным. Кроме того, предложенное ими видение экономической истории еще долго будет предметом споров, обсуждений и критики, а это еще один стимул для дальнейшего развития экономической науки.

Литература/References

- Аджемоглу Д., Робинсон, Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. М.: Изд-во АСТ, 2016. 672 с.
- Acemoglu, D., Robinson, J. (2012). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. Crown Business. (In Russ.).
- Алле М. Поведение рационального человека в условиях риска: критика постулатов американской школы. 1994. THESIS. № 5. С. 10–18.
- Alle, M. (1994). *Behavior of a rational person under conditions of risk: criticism of the postulates of the American school*. THESIS. No. 5. Pp.10–18. (In Russ.).
- Грейф А. Институты и путь к современной экономике: уроки средневековой торговли // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 2. С. 35–57.
- Greif, A. (2012). Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade. *Journal of Economic Sociology*. Vol.13. No. 2. Pp. 35–57. (In Russ.).
- Джонсон С., Квак Дж. 13 банков, которые правят миром. Карьера Пресс, 2013. 384 с. (In Russ.).
- Jonson, S., Quake, J. (2013). *13 banks that rule the world*. Kariera Press. 384 p.
- Клейнер Г.Б. К методологии моделирования принятия решений экономическим агентами // Экономика и математические методы. 2003. № 2. С. 167–182.
- Klejner, G.B. (2003). Towards a methodology for modeling decision-making by economic agents. *Ekonomiks and Matematical Methods*. Vol. 38. No. 2. Pp.167–182. (In Russ.).
- Клейнер Г.Б. (2003). Особенности формирования институтов в России // Экономика и математические методы. Т. 39. № 3. С. 2–24.
- Klejner, G.B. (2003). Features of the formation of institutions in Russia. *Ekonomiks and Matematical Methods*. Vol. 39. No. 3. Pp. 2–24. (In Russ.).

Новое прочтение экономической истории
(о Нобелевской премии по экономике 2024 года)

- Коммонс Дж. Институциональная экономика // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 4. С. 59–70.
- Commons, J. (2007). Institutional Economics. *Ekonomiczeskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 5. No. 4. Pp. 59–70. (In Russ.).
- Крюков В.А. Об институционализации роли и места крупного бизнеса в решении проблем социально-экономического развития страны // Экономическое возрождение России. 2023. № 2. С. 42–52.
- Kryukov, V.A. (2023). On the institutionalization of the role and place of big business in solving the problems of the country's socio-economic development. *Economic Revival of Russia*. No. 2. Pp. 42–52. (In Russ.).
- Найт Ф. Понятие риска и неопределенности. THESIS. 1994. № 5. С. 12–28.
- Knight, F. (1994). *Concept of risk and uncertainty*. THESIS. No. 5. Pp. 12–28. (In Russ.).
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 45–56. С. 47.
- North, D. (1997). *Institutions, institutional change and economic performance*. Moscow. Fond ekonomiczeskoj knigi «Naczala». Pp. 45–56. (In Russ.).
- Нуреев Р.М. Институционализм: вчера, сегодня, завтра. В кн.: Олейник А.Н. Институциональная экономика. М., 2001. С. 4–18.
- Nureev, R.M. (2001). *Institutionalism: yesterday, today, tomorrow*. In: Olejnik A.N. Institutional economics. Moscow. Pp. 4–18. (In Russ.).
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. 531 с.
- Nureev, R.M., Latov Yu.V. (2010). *Russia and Europe: the rut effect (experience of institutional analysis of the history of economic development)*. Kaliningrad. Izdatelsrvo RGU imeni I. Kanta. (In Russ.).
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Экономическая история России. Опыт институционального анализа. М.: Кнорус, 2016. (In Russ.).
- Nureev, R.M., Latov, Yu.V. (2016). *Economic history of Russia. Experience of Institutional Analysis*. Moscow. Knorus Publ.
- Робинсон Дж. Экономическая теория несовершенной конкуренции. М.: Прогресс, 1986.
- Robinson, J. (1986). *Economic theory of imperfect competition*. Moscow. Progress.
- Расков Д.Е. Образ экономики в институционализме // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика. 2010. № 3. С. 32–41.
- Raskov, D.E. (2010). The image of economics in institutionalism. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Seria 5. Ekonomika. No. 3. Pp. 32–41. (In Russ.).
- Тамбовцев В.Л. Непродуктивность попыток методологического синтеза // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 3. С. 7–31.
- Tambovtsev, V.L. (2020). Unproductive attempts at methodological synthesis. *Issues of Economic Theory*. No. 3. Pp. 7–31. (In Russ.).
- Тикин В. Существует ли «институциональная теория»? // Экономист. 2016. № 10. С. 56–66.
- Tikin, V. (2016). Is there such a thing as “institutional theory”? *Ekonomist*. No. 10. Pp. 56–66. (In Russ.).
- Уильямсон С. История клиометрики в США // Экономическая история. 1996. № 1. С. 75–106.

- Williamson, S. (1996). History of cliometrics in the USA. *Russian Journal of Economic History*. No. 1. Pp. 75–106. (In Russ.).
- Фролов Д. Так существует ли институциональная теория? // Экономист. 2016. № 12. С. 48–58.
- Frolov, D. (2016). So does institutional theory exist? *Ekonomist*. No. 12. Pp. 48–58. (In Russ.).
- Шаститко А.Е. Методологический статус новой институциональной экономической теории // Журнал экономической теории. 2013. № 4. С. 36–47.
- Shastitko, A.E. (2013). Methodological status of the new institutional economic theory. *Journal of Economic History*. No. 4. Pp. 36–47. (In Russ.).
- Acemoglu, D., Johnson, S. H., Robinson, J. A. (2001). The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation. *American Economic Review*. Vol. 95. No. 5. Pp. 1369–1401.
- Acemoglu, D., Johnson, S., Robinson, J.A. (2002). Reversal of Fortune: Geography and Institutions in the Making of the Modern World Income Distribution. *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 117. No. 4. Pp. 1231–1294.
- Acemoglu, D., Johnson, S., Robinson, J.A. (2005). *Institutions as a fundamental cause of long-run growth*. In: Aghion Ph., Durlauf S.N. (ed). *Handbook of Economic Growth*. Vol. I. Chapter 6. Elsevier.
- Alchian, A. (1950). Uncertainty, evolution and economic theory. *Journal of Political Economy*. Vol. 58. No. 3. Pp. 211–221.
- Coase, R. (1937). The Nature of the Firm. *Economica*. Vol. 4. No. 16. Pp. 386–405.
- Commons, J. R. (1931). Institutional Economics. *American Economic Review*. Vol. 21. No. 4. Pp. 648–657.
- Greif, A. (1998). Historical and Comparative Institutional Analysis. *American Economic Review*. Vol. 88. No. 2. Pp. 80–84.
- Hughes, J.R.T. (1985). Cliometrics: Memories and Predictions. *Newsletter of Cliometrics Society*. Vol. 1. No. 1. С. 1–6.
- Lind, H. (1993). The myth of institutionalist method. *Journal of Economic Issues*. Vol. 27. No. 1. Pp. 1–17.
- Menard, C., Shirley, M.M. (2012). New Institutional Economics: From Early Intuitions to a New Paradigm? *Ronald Coase Institute Working Paper*. No. 8.
- Michalopoulos, S., Papaioannou, E. (2013). National Institutions and Subnational Development in Africa. *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 129. No. 1. Pp. 151–213.
- North, D.C. (1982). *Structure and Change in Economic History*. W.W. Norton&Company. 240 c
- North, D.C. (1991). Institutions. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 5. No. 1. Pp. 97–112.
- Robinson, J.A., Diamond, J. (eds.) (2010). *Natural Experiments of History*. Cambridge. *Harvard University Press*.
- Simon, H. (1978). Rationality as Process and as Product of Thought. *American Economic Review*. Vol. 68. No. 2. Pp. 13–32.
- Vanberg, V. (1994). *Rules and Choice in Economics*. L. Routledge.
- Wiseman, J. D., Rozansky, J. (1991). The methodology of institutionalism revisited. *Journal of Economic Issues*. Vol. 25. No. 3. Pp. 709–737.

Статья поступила 30.11.2024

Статья принята к публикации 17.12.2024

Новое прочтение экономической истории
(о Нобелевской премии по экономике 2024 года)

Для цитирования: Воронов Ю.П. Новое прочтение экономической истории (о Нобелевской премии по экономике 2024 года) // ЭКО. 2025. № 1. С. 244–257. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–244–257

Информация об авторе

Воронов Юрий Петрович (Новосибирск) – кандидат экономических наук.
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН.
E-mail: yura.voronov.42@mail.ru; ORCID: 0000–0002–7835–5827

Summary

Yu.P. Voronov

A New Read of Economic History (on the 2024 Nobel Prize in Economics)

Abstract. The author considers the scientific results of the winners of the Nobel Prize in Economics 2024. Special attention is paid to the impact of these results on the current understanding of economic history and factors that shape it. The differences of the new institutional school, which is represented by the laureates, from the previous works of institutionalists are characterized. The authors' view of the state as a "prefabricated" category represented by a set of elites involved in public decision-making is considered. From point-by-point comparisons of individual cases, the laureates move on to studies of the historical path of the economies of different countries, explaining, in particular, the paradoxes of the economic systems of the USSR and China, which developed successfully despite the prevalence of inefficient (extractive) institutions. The issues of the laureates' refusal to use economic and mathematical methods in their research, their chosen reasoning for explaining country differences in the pace of scientific and technological progress are touched upon.

Keywords: *economic history; Nobel Prize in Economics; extractive institutions; inclusive institutions; scientific and technological progress; USSR; China; Russia; England; mathematical methods in economics*

For citation: Voronov, Yu.P. (2025). A New Read of Economic History (on the 2024 Nobel Prize in Economics). *ECO*. No. 1. Pp. 244–257. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–1–244–257

Information about the author

Воронов, Юрий Петрович (Новосибирск) – Candidate of Economic Sciences.
Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS.
E-mail: yura.voronov.42@mail.ru; ORCID: 0000–0002–7835–5827